

Эрнст Скотт
ЛЮДИ ТАЙНЫ

Эрнст Скотт

Люди тайны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67368389

Люди Тайны:

ISBN 5-91-051001-0

Аннотация

Направляются ли биологическая эволюция и человеческая история иерархией разумов, низший уровень которых может вступать в контакт с человечеством? Каков смысл понятия «древняя мудрость», на страже которой стоят скрытые хранители, или Учителя? Возможно, невидимые Хранители нашей планеты "оплодотворяют" земные культуры, наделяя человечество потенциалом куда более захватывающим, чем это можно выразить в сентиментальных клише современных духовных культов и бездушных технологических терминах науки.

Путешествуя с нами во времени, автор подводит нас к новому видению исторического развития – как взаимодействия прошлого и будущего в сотворении настоящего.

В книге подробнейшим образом раскрываются повторяющиеся события нашей таинственной земной истории, тонкие влияния и импульсы, вплетенные в повседневность жизни, – они подталкивают отдельные личности к саморазвитию и готовят человечество к гигантскому эволюционному шагу.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Эрнст Скотт Люди Тайны

© Издательство «Эннеагон» 2005

© Перевод: А. В. Степанов, Ю. Переведенцев, 2005

© Дизайн обложки: А. Сухарева, 2005

Предисловие

Колин Уилсон

Понятие «древняя мудрость», на страже которой стоят скрытые хранители, или Учителя, обычно приписывают мадам Блаватской – этой выдающейся и изобретательной почтенной леди, – очевидно, потому, что книгу с таким названием написала ее ученица Анни Безант. И когда более чем через тридцать лет после смерти Блаватской Теософское общество опубликовало «*Письма Махатм*»¹, написанные предположительно двумя из этих Учителей и адресованные А. П. Синнетту, немало критиков сочли, что Синнетт проявил странную доверчивость. Современный взгляд на предмет сформулирован в «*Энциклопедии необъяснимого*» Ричарда Кавендиша²: «Идея оккультных Учителей впервые стала популярна на Западе благодаря Теософскому обществу. Это было эффективное упрощение известной с незапамятных времен как на Востоке, так и на Западе традиции “ищущего духа”, который вопрошает: “Учитель, что мне сделать, чтобы наследовать жизнь вечную?” Короче говоря,

¹ *The Mahatma Letters to A. P. Sinnett*, Ed. A. T. Baker, Theosophical Publishing House, London, 1932.

² Richard Cavendish, *Encyclopaedia of the Unexplained: Magic, Occultism and Parapsychology*, Routledge, London, 1974.

Учителя – это не что иное, как продукт принятия желаемого за действительное».

Безусловно, такая отповедь звучит резонно. Но она не учитывает, что традиция – нечто значительно большее, чем история «ищущего духа», желающего быть спасённым. Речь идёт о специфической и весьма распространённой доктрине, которая существует на протяжении многих веков и во многих странах. А современная мифологическая наука склоняется к тому, что если «легенда» распространена настолько широко (как, например, легенда о Всемирном потопе), то, очевидно, она опирается на *какую-то* реальную основу.

Конечно, с позиции общепринятого здравого смысла вся эта идея вообще абсурдна. Наиболее высоким интеллектом на нашей планете наделены человеческие существа; среди них есть те или иные учителя, священники, философы, чей интеллект превосходит интеллект «толпы» настолько, насколько разум среднего человека выше разума шимпанзе или морской свинки. Высшее знание, которым обладает человечество, содержится в работах и высказываниях этих философов и учителей. Воздействие их идей на цивилизацию рассматривает такая книга как «*Приключение идей*» Уайтхеда³; всю историю цивилизации автор объясняет, и весьма последовательно, в терминах идей. Так что понятие «скрытых учителей» оказывается излишним. Хуже того, оно представляется недоказуемым. Понятно, что всем нам *нравится* ве-

³ A. N. Whitehead, *Adventure of Ideas*, C.U.P., Cambridge, 1933.

ритель в существование сверхчеловеческих разумов, поскольку эта вера дает утешительное чувство смысла и цели. Мы можем распознать этот элемент принятия желаемого за действительное в творчестве такого поэта, как Йейтс. Будучи молодым человеком, он находил реальный мир – викторианский Лондон – грубым и невыносимым и потому настаивал на существовании фей. Йейтс приводит строки Шелли о древнем старце, еврее-каббалисте – ему несколько сотен лет и живет он «в морском гроте посреди Демонези»; он

Достиг власти и знаний

О сильных и тайных предметах и мыслях,

Которые прочих людей страшат и им неизвестны...

Далее Йейтс признается, что его самого влекло к теософам, потому что они настаивали на реальности старого еврея и ему подобных.

Если подобная тенденциозность столь очевидна, то можно ли защищать существование скрытых учителей, утверждать, что «в некоем недоступном центре, возможно, в горах Средней Азии... есть сообщество людей, обладающих исключительным могуществом», и эти люди – «тайные правители мира»? А ведь в этом, фактически, и состоит центральный тезис книги Эрнста Скотта, и он аргументируется с разумностью и убедительностью, не оставляющими сомнений в том, что ее автор – изучавший так называемые «окультурные науки» на протяжении всей своей жизни – прекрасно осве-

домлен обо всех очевидных возражениях его тезису. Эрнст Скотт приводит аргументы в пользу тайной традиции не потому, что верит в ее существование, – он считает, что есть убедительные доказательства ее существования.

Сразу должен сказать, что мой личный взгляд на предмет нейтрален. Я нахожу книгу увлекательной, ее эрудиция впечатляет. В своей собственной книге «Тайны»⁴ я придерживался такой точки зрения, что нельзя низводить алхимию до грубой формы химии, но следует понимать ее как попытку выразить определенные законы Вселенной, неизвестные современной науке. Однако, оставаясь открытым по отношению к «тайной традиции», я ни в коем случае не убежден, что она была сохранена иерархией «учителей».

Коль скоро я допускаю возможность существования таких «учителей», это ставит меня в один ряд с теософами, уфологами и разными другими современными «культами абсурдов». А потому считаю уместным объяснить, как я могу допустить такое, оставаясь при этом человеком рациональным.

Во вступлении к своей книге «Окулльтное»⁵ я рассматривал теорию доктора Дэвида Фостера, кибернетика, автора книги «Разумная Вселенная»⁶. Доктор Фостер заявляет, что не может принять до конца дарвинистский взгляд на эволю-

⁴ Colin Wilson, *Mysteries*, Hodder and Stoughton, London, 1978.

⁵ Colin Wilson, *The Occult*, Panther Books, London, 1979.

⁶ David Blythe Foster, *A Monograph on the Theory of the Intelligent Universe* (the Author), Windlesham, 1964.

цию, согласно которому живые существа формируются исключительно под воздействием физических условий. В качестве примера он приводит пластиковые карточки, которыми пользуются домохозяйки для программирования стиральных машин. В желуде, пишет он, заложена сходная программа, чтобы из него мог вырасти дуб. И ему, кибернетика, трудно понять, как это сложное программирование получилось в результате «естественного отбора». В кибернетике синий свет можно использовать как программу для красного, поскольку он обладает более высокой энергией, но красный свет не может программировать синий. Точно также разум часового мастера должен быть сложнее любых часов, которые ему принесут в починку; равно как и пальцы его должны быть достаточно чуткими, чтобы иметь дело с часовыми механизмами. Если умственные способности мастера проще, чем механизмы часов, то его вмешательство, скорее всего, поломает их. А природа – *именно такой*, весьма грубый и неуклюжий часовщик. Дарвинист же ответит: «Все так; и *она таки поломала* девяносто девять процентов своих часов, но оставшийся один процент выжил...»

Но дарвинист не в состоянии объяснить, откуда вообще изначально взялись часы. Дэвид Фостер считает, что, глядя на вещи с точки зрения кибернетика, можно догадаться о наличии во Вселенной некоего эквивалента «синего света» – некой более высокой формы организации (или разума), которая штампует свою структуру на желуде и на геноме чело-

века...

Допустим. Хотя это – крайний взгляд. Бернارد Шоу тоже был сторонником творческой эволюции, но он лишь предполагал, что некая загадочная жизненная сила, действуя на *бессознательном* уровне, продолжала пробиваться и пробираться, пока наконец не достигла своего сегодняшнего положения на шкале эволюции. А Дэвид Фостер утверждает, что эта «жизненная сила», о которой писал Шоу, с точки зрения создания «швейцарских часов» едва ли находится в более благоприятном положении, чем сама природа.

Я бы предложил некий компромисс: на бессознательном уровне может существовать какая-то целенаправленная форма разума, действующая, так сказать, «впотьмах», но с определенным ощущением результата, которого надо достичь. Лучше всего я могу проиллюстрировать это на примере червя *microstomum*, о котором упоминал в «*Оккультном*». Этот червь выискивает полип, называемый *hydra*, не ради питательной ценности, а из-за его жалящих капсул. Когда полип переварен, его жалящие капсулы собираются на внутренней поверхности желудка червя *microstomum*, а затем передаются следующей группе клеток, которые переносят их на кожу червя, где они громоздятся, словно орудия, готовые сработать в случае атаки хищника. Как только червь набирает достаточно «бомбочек», он перестает замечать полипы, так как они не из числа его любимых блюд.

Наши собственные пищеварительные процессы бессозна-

тельно, но их в высшей степени целенаправленная неосознанная активность, похоже, бросает вызов объяснениям в терминах дарвинизма. В теории Дарвина природа – это стихия, которая может «придать» скале вид, схожий с чертами лица; но невозможно проследить, как подобный «напор ветра» может вызвать сложные процессы, происходящие внутри червя *microstomum*. Точно так же и в случае с созданиями, называемыми *flattid bug*, чьи колонии маскируются под некое подобие цветков коралла, хотя таковых и в природе не существует. Нелепо предполагать, что однажды некая колония случайно достигла такой маскировки, которая помогла ей выжить, а потом научилась передавать этот трюк от поколения к поколению...

И куда же это нас завело? Итак, предполагается, что в природе заложено некое более глубокое ощущение цели, на уровне ниже (или, если угодно, выше) нашего «дневного сознания». И даже, что эта бессознательная цель является некоторым образом *более разумной* (или более сложной), чем наши сознательные цели. Тогда можно спросить: что же такое человеческий разум? Не есть ли он способность ухватить и вытащить на свет нашего сознания то знание, которое существует внутри нас на интуитивном уровне? Эта теория знания выражена Платоном в «Меноне»: Сократ помогает рабу сформулировать геометрическую теорему, всего лишь задавая ему вопросы, а затем указывает, что раб должен был «знать» ответ еще до того, как *осознал*, что знает его. Теперь

давайте предположим, что всегда существовали определенные люди, чье присутствие я уже постулировал, способные «ухватить» эту «бессознательную цель», – то есть люди, способные постичь, что у природы есть свои скрытые и сложные цели и что она – не просто комбинация грубых и деструктивных сил. Тогда разве не стали бы эти люди стараться любой ценой сохранить свое знание и передать его будущим поколениям? И не приняла бы такая попытка форму эзотерической школы или «невидимого колледжа»?

Я понимаю, иному читателю подобный аргумент покажется скорее правдоподобным, нежели убедительным.

Тем не менее, думаю, что его *признают* убедительным, если мы подойдем к самой сути вопроса и постигнем понятие бессознательного, но разумного и сложного намерения. Взглянув из окна на поле вокруг моего дома, я вижу различные природные *формы*: деревья, траву, цветы, – кажется, они растут так же просто и автоматически, как и один из тех «химических садов», которые мы, бывало, делали в школе. Но если я задумаюсь о поведении «бомбочек» в желудке червя *microstomum*, то обнаружу куда более сложное намерение. И если природа вокруг меня насыщена такими сложными намерениями, тогда мои чувства очень немного расскажут о происходящем вокруг. Когда мистик Якоб Беме вышел в поле, он почувствовал, что может заглянуть в сердце каждому дереву и растению и понять их внутреннее предназначение. Если бы ему удалось выразить свое озарение словами и иде-

ями, то это очень напомнило бы тайную традицию, которую автор рассматривает в данной книге.

У меня есть и другая причина, чтобы признать аргументы автора по большей части убедительными. Вот уже много лет я нахожусь под сильным впечатлением от учения гения, – Эрнст Скотт написал о нем в восьмой главе – это Георгий Иванович Гурджиев. Впервые идеи Гурджиева стали известны широкой публике лишь в 1949 году из книги «*В поисках чудесного*»⁷, написанной его учеником Успенским. Гурджиев всегда был человеком-загадкой, и Успенский пересказывает истории о том, как его учитель провел много лет в Средней Азии в поисках Братства, сохранившего некие древние учения. В автобиографической книге «*Встречи с замечательными людьми*»⁸ Гурджиев рассказывает, что идея «тайных учений» овладела им еще в детстве, когда он прочитал о находке на месте археологических раскопок неких изрезанных письменами дощечек и понял, что на них записана история, слышанная им от отца. Это означало, что древние знания могли сохраняться в практически неизменном виде. Позже, как пишет Гурджиев, он стал одним из членов группы «Искатели Истины»; многие из них нашли свою смерть, совершая путешествия в отдаленные уголки планеты, где надеялись встретить подобные знания.

Лично я всегда был склонен считать эту часть истории

⁷ P. D. Ouspensky, *In Search of the Miraculous*, Routledge, London, 1949.

⁸ G. I. Gurdjieff, *Meetings with Remarkable Men*, Routledge, London, 1963.

Гурджиева сознательным мифотворчеством, наподобие тайных тибетских Махатм мадам Блаватской. Однако, работая над книгой о Гурджиеве, – а это потребовало изучения всего, что было о нем написано, – я начал все более склоняться к тому, что в процессе своих поисков Гурджиев действительно разыскал какие-то важные источники «скрытого знания». Наверное, самым убедительным и впечатляющим доказательством является вышедшая в 1968 году книга *«Тайные беседы с мистером Г.»*⁹, опубликованная анонимно. Здесь Гурджиев рассказывает о своем поиске принципов «объективной магии», не оставляя сомнений в том, что он старается предельно честно и точно изложить свой поиск. В ней нет и намека на мистификацию. Гурджиев объясняет, что его интерес к феномену магии (это также описывается во *«Встречах с замечательными людьми»*) способствовал развитию у него в ранней юности «психических сил». (Известно, что он стал медиумом и «магом» в двадцать с небольшим лет.) Он развил замечательные способности к телепатии, гипнозу и психометрии (способность «считывать» историю предметов)¹⁰. В *«Тайных беседах с мистером Г.»* рассказывается, что Гурджиеву наскучила подобного рода «магия», и он решил попробовать найти «объективное применение свое-

⁹ *Secret Talks with Mr G.*, Institution for the Development of Harmonious Human Being Publishers, Nevada, 1968.

¹⁰ Гурджиев сообщает: «Возможности к психометрированию объектов проявились во мне спонтанно за несколько лет до этого».

му таланту». Исследуя «объективную магию», он пришел к убеждению, что «все мистические состояния, трансы и медиумические способности... были ничем иным, как непредумышленно наведенной истерией...» – то есть чисто субъективными. Гурджиев определяет объективную магию как проявление законов высшего космоса в низшем (то есть в нашем собственном). И он приходит к заключению, что большая часть человеческой «магии» – телепатия, медиумические трансы и прочее – затрагивает только законы нашего собственного космоса.

Согласно Гурджиеву, метод, благодаря которому он получил знание об «объективной магии», включал в себя «психометрию» древних сакральных объектов – святынь, монументов и тому подобного.

Здесь уместно пояснить, что термин «психометрия» был придуман американским профессором Джозефом Родсом Бюхэненем, натолкнувшимся на эту идею, когда некий епископ рассказал ему, что всегда может отличить латунь на ощупь, даже в темноте, так как прикосновение к латуни вызывало у него ощущение горечи во рту. Убедившись в том, что это правда, Бюхэнен решил выяснить, смогут ли его студенты различить на ощупь разные химикаты, завернутые в толстую оберточную бумагу. Оказалось, что многие из них безошибочно их различают. Затем настал самый интересный этап: обнаружилось, что эти «чувствительные» студенты каким-то образом могут, не распечатывая конвертов, «узна-

вать» содержание писем, душевное состояние писавшего, написано ли письмо мужчиной или женщиной. Уильям Дентон, шурин Бьюхэнена, испытал своих студентов на геологических образцах и обнаружил, что зачастую они способны точно описать историю костей, камней, метеоритов и так далее. И Бьюхэнен, и Дентон пришли к убеждению, что этой способностью в более или менее латентном состоянии обладают все люди, и если ее развить, то в конце концов можно «прочитать» историю нашей планеты. Советский ученый Геннадий Сергеев объявил о создании машины, способной психометрировать объекты путем регистрации различных связанных с ними эмоций, которые, вследствие вибрационной природы, можно преобразовать в электрические импульсы. Сергеев полагает, что он находится в процессе создания некоего подобия «машины времени». Похоже, Гурджиев тоже приобрел подобное умение – он говорит, правда, довольно туманно, об оттачивании навыков «как бы путешествия во времени и пространстве, в смысле посещений через посредство образов».

Итак, ни одно из заявлений Гурджиева не должно сбрасываться со счетов как противоречащее науке. В свете открытий Бьюхэнена упоминания Гурджиева о психометрии священных сооружений обретают смысл. Но что конкретно он надеялся обнаружить?

Вместо того чтобы цитировать Гурджиева, его высказывания – часто туманные и требующие комментариев, – поз-

вольте мне изложить его основную идею в своих собственных терминах.

Человек полагает, что его чувства говорят ему приближительную правду о «мире». Чепуха, заявляет Гурджиев. Когда ему удавалось входить в состояния «объективного сознания», он постиг, что «в такие моменты, когда реальными становились эти ощущения, а обычная реальность каждодневной жизни, напротив, оборачивалась ложью... по сравнению с этой новой реальностью, реальность обыденная представляла как сон». Ибо, за исключением чрезвычайных обстоятельств или моментов напряжения всех сил, наши чувства ленивы; вместо того чтобы сфокусироваться на мире, они довольствуются размытым изображением, как у пьяного, у которого двоится в глазах. Если я долгое время не буду прилагать никаких усилий, к примеру, буду слишком долго смотреть телевизор, то почувствую, что теряю ощущение реальности, что жизнь приобретает качество иллюзорности. Но если я, поймав себя на том, что ленюсь, заставлю себя совершить долгую прогулку под дождем и ветром, напряжется какая-то внутренняя мышца, и мир станет более реальным.

В обычных обстоятельствах мои чувства не показывают мне реальность; напротив, они скрывают ее. Половина вещей, которые я вижу, не более чем символы – книга, дерево, автомобиль; у них столь же мало свойств, как и у человека на детских рисунках – «точка, точка, запятая». Но когда каким-то усилием напрягается «внутренняя мускулату-

ра», мои чувства начинают «впускать» смысл. Я смотрю на дерево и вдруг вижу его индивидуальность: это уже не «дерево» вообще, оно становится самим собой.

Такое проникновение в смысл – осознание, что смысл этот вне нас, – одно из самых восхитительных ощущений, которые дано испытать человеку. Как ни странно, у нас есть врожденная склонность сомневаться в такой способности. Ребенок чувствует, что Рождество – самая чудесная вещь на свете; но когда он, объевшись сладостями и фруктовым салатом, просыпается среди ночи от тошноты и боли в животе, сама мысль об этих лакомствах и о Рождестве становится ему глубоко отвратительной. И поскольку подобных переживаний для каждого из нас жизнь припасает предостаточно, то со временем все мы начинаем подозревать, что жизнь – штука куда более мрачная и скучная, чем нам хотелось бы. Вот почему стала расхожей фраза: «Красота существует только в глазах смотрящего».

Однако поэт, выйдя весенним утром из дома, переполнен сознанием того, что мир, напротив, куда богаче и сложнее, чем может представить себе большинство людей. Сквозь его чувства прорывается «смысл», принося с собой полководье чистого наслаждения. И если он даст себе труд вдуматься в это, то в конце концов поймет, что почти со всеми людьми что-то «не так». Мы живем в узком субъективном мирке и уподобляемся человеку, страдающему жестоким насморком и не различающему ароматов более тонких, чем запах лу-

ка. Мы запеленаты в свои глупые, субъективные, маленькие смыслы и едва ли подозреваем огромность и множественность той удивительной Вселенной, в которой обитаем. Мы словно *загипнотизированы*, мы узники мира снов.

И хотя в «моменты прозрения» поэты *постигают* чудесную правду о Вселенной, им вряд ли удастся действовать на основании этого откровения. «Возвращается свет обычного дня», и они принимают его как неизбежность, вместо того чтобы проклясть как лжеца и обманщика. Тем не менее, каждый раз, когда «отблеск смысла» пробивается к ним, они осознают, что *можно* что-то сделать. *Возможно* разбудить себя. Как? Во-первых, внимательным самонаблюдением. У нас столько чисто механических реакций, что если бы мы научились распознавать их или даже противодействовать им, то смогли бы контролировать себя – а это синонимично свободе. Во-вторых, побуждая себя к *усилию*. Большую часть времени мы пребываем в дремотном, безвольном состоянии, как Пожиратели лотосов у Теннисона, но, похоже, разум могут пробудить проблемы и кризисы. Многие неосознанно ищут критических ситуаций, жаждут драм, ибо это дает им ощущение полноты жизни. Гурджиев учился искать этого сознательно, как средства для собственного встряхивания. «Мне пришлось отказаться от всех ограничений – ограничений эмоциональных, ограничений восприятия или познания, которые я сформировал в себе, или они случайно сформировались во мне предшествующим опытом. Вскоре я

понял, что годится любой объективный шок, встряска организма, при условии, что вызванный кризис достаточно безопасен, чтобы можно было вовремя остановиться – иногда у последней черты – на грани полного разрушения жизненных сил в теле». И метод, по которому он начал учить, основывался на том, чтобы почти постоянно держать студентов в состоянии бодрствования. Сартр говорил, что он никогда не чувствовал себя таким свободным, как во французском Сопротивлении, когда его могли в любой момент арестовать и расстрелять. Метод Гурджиева базировался на схожем представлении: мы могли бы достичь свободы, если бы постоянно находились в состоянии «кризиса».

Короче, Гурджиев начал с осознания того, что видение смысла – поэтом ли, святым – *реально*, не иллюзорно. Смысл – «там, за»; и мы должны уметь распахнуть свои чувства навстречу ему. Дух Земли говорит Фаусту: «Мир духа врат своих не закрывает, / Твое закрыто сердце, и чувства твои – спят». То есть, если бы мы нашли способ открыть собственные затворенные врата, мы смогли бы напрямую созерцать смысл, как научился созерцать его Гурджиев, «психометрируя» священные памятники.

В результате этих экспериментов Гурджиев решил, что постиг определенные повторяющиеся «смыслы» в форме законов – в частности, Закона Трех и Закона Семи. (Всем, кто хочет получить об этом более полную информацию, рекомендую прочитать книгу Успенского «В поисках чудесно-

го».) Он постиг также, что «в мире существовали формы, которые были Вместилищами Знания». «Если бы я только знал, как отворить их, это знание можно было бы сознательно “извлечь”. Но я также знал, что современные цивилизации не помнят об этих формах, и чтобы узнать их местонахождение и прочесть их, нужно было каким-то образом заполучить карту древнего мира, содержащую точное описание и координаты существовавших в древности памятников и святынь».

В книге *«Встречи с замечательными людьми»* Гурджиев описал, как с помощью армянского священника он раздобыл такую карту и как взял ее с собой в Египет. Но последующие детали он опускает. В *«Тайных беседах с мистром Г.»* он более откровенен: «В особенности я мог ощущать необычные настроения старых предметов, и именно в таком состоянии я соприкоснулся, то ли случайно, то ли благодаря вмешательству высших – надеюсь, что высших – сил, с одним древним памятником. Именно от этого памятника, который я случайно «прослушал», используя определенную активную субстанцию в сочетании с несколькими древними словами, я узнал секрет взаимоотношений двух великих космических законов».

Изучающим мистицизм будет интересно узнать, что описания Гурджиевым его опыта высшего сознания многократно подтверждаются другими мистиками. Из этого со всей очевидностью следует, что наше обычное представление о

сознании как о чем-то *простом* – неверно. Существует много форм и уровней сознания. Я приведу только один пример – описание переживания под воздействием закиси азота, взятое из книги Р. Х. Уорда «*Записки наркомана*»¹¹: «Я... сразу попал в состояние сознания гораздо более полного, чем наивысшая степень обычного сознания, и последовательно продвигался вверх... во все более и более тонкие степени этой возвышенной осознанности». Он с удивлением отмечает, что вдыхание газа не сделало его бессознательным, совсем наоборот. После прохождения через стадию эмоционального переживания, «включающего в себя удивление, радость и всецело спокойную *неизбежность*, которой нет названия», Уорд описывает интеллектуальную сферу, сферу идей. Через эту область он проследовал слишком быстро, чтобы понять хотя бы одну из этих идей, но позже смог вспомнить пронзительное ощущение, что «все было единым, что *настоящее знание* было одновременно знанием о Вселенной и обо всем, что она содержит, включая меня самого».

В схожих терминах Гурджиев рассказывает о том, как он играл с взаимозаменяемостью объективных и субъективных феноменов: «В то время важным моментом для моего осознания было не конкретное отношение одного космоса к другому, а то, что теперь я напрямую воспринимал взаимосвязанность Вселенной и, более того, что все эти формы взаимосвязаны только потому, что были чем-то одним и тем

¹¹ R. H. Ward, *A Drug-taker's Notes*, Gollancz, London, 1956.

же, многократно повторенным для создания иллюзии сложности».

Из сравнения двух этих описаний (оба они слишком длинные, чтобы цитировать их полностью) следует, что и Гурджиев, и Уорд получили отчетливое переживание того, что сознание – это не физическое состояние, в противоположность сну или бессознательности, которые являют собой простое отражение осознанности тела, – но *самообеспечиваемая* сущность, Вселенная в себе. Сознание *не* является побочным продуктом жизнедеятельности тела, как тепло – побочный продукт огня. Каким-то образом оно ведет свое собственное, независимое существование.

Это так же трудно уразуметь, как и идею бесконечности. Но один вывод ясен: если сознание не есть побочный продукт тела, то его взаимодействие с телом должно быть аналогично взаимодействию зеркала и падающего на него света. Мы можем рассматривать человечество как миллионы фрагментов разбитого зеркала. Но свет существует сам по себе. Это опять же показывает ошибочность нашего, по сути, шовинистического представления о себе как о единственной высокоорганизованной форме жизни во Вселенной – или, по крайней мере, в Солнечной системе. Вопрос не в том, есть ли разумные *существа* в других мирах – они ведь тоже будут лишь осколками зеркала. Важно то, что отражается в зеркале: сознание, разум, выходящий за пределы всего того, что мы обычно переживаем.

Посудите сами: коль скоро мы принимаем этот взгляд на Вселенную – по крайней мере, как логическую возможность, – то мы принимаем и утверждение, которое стало отправной точкой этой книги. С естественной человеческой точки зрения, Махатмы мадам Блаватской – чистый вымысел, и было бы полнейшим легковерием принять идею высших существ или высших форм знания без практического подтверждения. Но если Гурджиев и Уорд – и сотни других мистиков – говорят правду, тогда «естественная точка зрения» оказывается чем-то вроде частной, ограниченной позиции. Фактически, более *логичным* было бы ожидать, что Вселенная населена высшими существами, высшими формами разума, к намерениям которых мы из-за нашей ограниченности невосприимчивы. Можно предположить, что если некоторые из мистиков были удачливее Уорда в понимании точного значения «интеллектуальной сферы» высшего сознания, то они могли попытаться выразить это словами или в символах, чтобы передать их другим исследователям сознания. И это снова возвращает нас к утверждениям Гурджиева. К примеру, во «*Встречах с замечательными людьми*» он рассказывает о посещении монастыря в Туркестане, где видел необычный прибор, предназначенный для обучения жриц позам священных танцев: на треножнике стояла колонна, из которой выступало семь рук, каждая с семью сочленениями. По словам Гурджиева, танцы выражали Закон Трех и Закон Семи. Ритуальные танцы, основанные на этих зако-

нах, стали важной частью гурджиевского «метода».

Необходимо также отметить, что данную книгу не следует ставить на одну полку с томами, посвященными НЛО, спиритизму или оккультным явлениям. Я не хочу отрицать значение подобных работ, укажу лишь, что они движутся в направлении от частного к общему, от наблюдений и «озарений» – к теориям о «невидимом» или неизвестном. Эта книга начинается с диаметрально противоположной позиции. Автор доказывает, как и Дэвид Фостер, что жизнь на Земле не могла возникнуть в результате механической эволюции. Существуют данные, говорится в ней, что «порядок» возрастает, а это предполагает разумное руководство или «вмешательство». Одну из наиболее замечательных и последовательных попыток выработать основанную на этом предположении космологию вы найдете в обширном труде Дж. Г. Беннетта *«Драматическая Вселенная»*¹², который можно считать отправной точкой доказательной базы нашего автора. Безусловно, Беннетт идет дальше Дэвида Фостера: последний лишь доказывает, что, с точки зрения кибернетика, эволюция предполагает некое разумное вмешательство. Беннетт же решается назвать этих агентов разумного вмешательства «демиургами», говоря о них как об «инструментах вселенской индивидуальности, посредством которых в рамках естественных законов оказывалось содействие и осу-

¹² J. G. Bennett, *The Dramatic Universe*, Vols. I–IV, Hodder and Stoughton, London, 1956–66.

ществлялось управление эволюционным процессом земной жизни». В другом месте он называет их «классом космических сущностей, ответственных за поддержание вселенского порядка...»

Отталкиваясь от этой основы, Эрнст Скотт отважно путешествует в завораживающем царстве исторических догадок. Его метод образен и недогматичен. В сущности, он спрашивает: предположим, теория «вмешательства» в историю верна – где тогда в истории последних двух тысячелетий могли бы мы найти свидетельства этого вмешательства? А за этим следует эрудированный и аргументированный экскурс в историю культуры, с уникальными ссылками на Каббалу и суфийскую традицию. Я прочел рукопись этой книги сразу после «Войны и цивилизации» Арнольда Тойнби¹³ и нашел, что их воздействие на меня во многом схоже. Профессор Тревор Ропер однажды назвал Тойнби «читателем чайных листьев», и можно утверждать, что его «Изучение истории»¹⁴ – скорее великолепный образец образных рассуждений, нежели опыт исторического исследования. Но меня его видение не только потрясает и воодушевляет – оно оживляет историю, как некогда, когда я был ребенком, для меня оживил доисторическую эпоху «Затерянный мир» Конан Дойла¹⁵. И здесь, чи-

¹³ Arnold Toynbee, *War and Civilisation*, Royal Institute of International Affairs, London, 1950.

¹⁴ Arnold Toynbee, *Study of History*, O.U.P., Oxford, 1935–61.

¹⁵ A. Conan Doyle, *Lost World*, John Murray, London, 1979.

тая о короле Артуре, о секретах алхимии, о масонах или асасинах, я вряд ли мучился вопросом: «Верно ли это с исторической точки зрения?» Я просто наслаждался смелым размахом рассуждений автора, как до сих пор наслаждаюсь двойным мороженым на ярмарке. Тем не менее, уже потом, оглядываясь назад, я обнаружил, что лишь в редких случаях я был расположен оспаривать его умозаключения, да и то по поводу частных моментов.

Сейчас, прочитав книгу дважды, я так и не знаю, являюсь ли я «убежденным». Знаю только, что считаю ее неотразимым интеллектуальным приключением, которое настолько же выше обычных образцов оккультно-спекулятивной литературы, насколько «Мученичество человека» Уинвуда Рида¹⁶ выше обычного школьного учебника истории. Если бы автор родился на свет несколько веков назад, гореть бы ему на костре как еретику. Но его реальным преступлением было бы не выражение еретических и опасных идей, а то, что он выражает их так ярко и убедительно.

¹⁶ W. Winwood Reade, *The Martyrdom of Man*, Watts, London, 1932.

Глава первая

Скрытая традиция

Комета пересекает небо, энергией своего полета взбудораживая землю и умы людей.

Сталкиваются астероиды, разбрасывая свою материю по просторам космоса.

В водах океана тонет континент, а со дна океана встает остров. Пустыня становится новым морем, плодородная земля – пустыней.

Нации, целые расы возникают, угасают и исчезают, оставляя о себе только легенду, отмечающую их место и их уход.

Совершенно случайное, абсолютно произвольное воздействие и столкновение слепых, ничего не значащих сил?

Или же все происходит умышленно и преднамеренно, и за этим стоит причина и смысл, проявляющие себя в масштабах некоего настоящего момента времени и превосходящие все, что только можно себе представить?

До недавней поры в умах людей было мало сомнений относительно ответа. *Все происходит согласно намерению.* На уровне человеческой жизни намерение может выглядеть благоприятным или враждебным, но на каком-то уровне, на какой-то ступени оно сопряжено с ясной целью.

Даже если намерение безжалостно, в его существовании

никто никогда не сомневался. «Змея проглотила Солнце» и «Бог дал, Бог взял», – эти наблюдения разделены тысячами лет, но они выражают одно и то же: Кто-то или Что-то проявляет Волю, из чего можно заключить, что Замысел, Высший Судия, правит всем.

Так оно и было для бесчисленных поколений людей.

Затем на протяжении нескольких последних веков нам навязали новую картину, и основное предположение, которое – сознательно или инстинктивно – около 20000 лет поддерживало человека, было сдано в утиль.

Случилось так, что западная наука принялась исследовать природные феномены с определенной (сейчас она представляется произвольной) точки зрения и обнаружила, что силы, порождающие явления, можно обособить. Она открыла также, что существует возможность вызывать эти силы, воспроизводить явления и предсказывать результат.

Неожиданно во Вселенной не осталось места для цели. Феномены прекрасно работали в бесцельном вакууме и, по принципу «бритвы Оккама», требующего произвольно не приносить элементов, ненужных для объяснения того, что должно быть объяснено, – ребенка весело выплеснули вместе с водой.

Оказалось, что Вселенная – это механическая система тяг и рычагов. Нет свободы воли, поскольку все предопределено заранее. Нет случайности. Там, где механические законы абсолютны, – нет места ни тому, ни другому.

Если известна система координат вкупе с достаточной информацией по поводу одного события, то все грядущие события становятся предсказуемыми. Вселенная либо истощится, либо взорвется. Но чтобы предвидеть, что именно произойдет, мы пока еще не накопили необходимых данных.

Если очень много обезьян будут долго плясать на достаточно большом количестве пишущих машинок, в конце концов они напечатают полное собрание сочинений Шекспира. Статистически это неизбежно.

Все наблюдаемые явления и сама жизнь становились – а теперь и *обязаны были* стать – случайными результатами действия бессмысленных сил, действия, происходящего без вмешательства чего бы то ни было, кроме абсолютной механистичности, ставшей единственной основой природы. Суть жизни объяснялась очень просто. «Высшие» формы жизни развивались из «низших», поскольку механизмы, присущие более ранним ситуациям, несли в себе неизбежность ситуаций последующих.

Понравилось бы это нашим суеверным предкам или нет, но Вселенная оказалась именно такой. Разум разгадал окончательную тайну, показав, что на самом деле никакая это не тайна. Призраков в машине нет.

По ряду причин это освобождение от предыдущих предположений сопровождалось эйфорией. Уильям Оккамский, мыслитель XIV века, вступив в сотрудничество с веком XX, упразднил Бога, и ученые, дерзкие в своей вновь обретен-

ной свободе, ощутили себя отцами-основателями нового будущего для человечества, нового миропорядка: здорового, рационального, просвещенного, несуетного. Все неприемлемые гипотезы прошлого были объявлены ошибкой и сметены тем, что Уэллс в 30-х годах XX века назвал «братством эффективности, франкмасонством науки».

Сейчас, когда оглядываешься на открытия даже прошедших трех или четырех десятилетий, этот взгляд кажется поразительно наивным. И тем не менее поколения, породившие его, заслуживают похвалы за свою честность. Они были верны своим светочам и не имели причины подозревать, что какое-то время спустя человеческий покой будет нарушен, оттого что другие путеводные огни забрезжат на горизонте.

Придя к заключению о механистичности всего существующего, западная наука начала замечать в диапазонах сверхмалых и сверхбольших величин тревожные события, позволявшие предположить, что рядом с механизмом – несомненно, существующим, – имеется нечто, опасно похожее на свободу воли.

Некоторые эксперименты показали, что энергия – это непрерывный поток. Другие, столь же убедительные, доказали, что она корпускулярна и прерывиста.

Один эксперимент доказывал, что квант энергии сконцентрирован настолько, что может ударить по отдельному атому; другой же показал, что этот квант настолько велик, что может разделиться надвое, чтобы пройти сквозь два отвер-

стия в литой металлической пластине.

А что хуже всего – энергия, похоже, знает наперед, будет в пластине одно или два отверстия, и соответственно изменяет свое поведение!

На другом краю шкалы величин работа Эйнштейна – по крайней мере, в восприятии неспециалистов – свелась к открытию, что дважды два теперь уже не равняется четырем, разве что в области обычного чувственного опыта (не принимаемого в расчет), где разница попросту неразличима.

В 1925 году ведущие математики мира обратились к проблемам, возникшим как следствие работ Бора, Планка, де Бройля и Эйнштейна, и пришли к очень странному выводу. Все аномалии, присущие новому знанию, можно легко собрать и оперировать ими *в системе уравнений*. Но ни при каких обстоятельствах нельзя было составить картину того, что же именно происходит.

Масса, расстояние и время в виде основных координат механической Вселенной стали попросту негодными как компоненты, с помощью которых можно было бы разобраться в возникшей ситуации.

Это было невыносимо. Вещи *должны* быть либо здесь, либо там, а не «может быть, здесь» или «может быть, там». Дважды два *должно* равняться четырем. Откуда во Вселенной взяться неопределенности, если объективные законы (открытые западной наукой!) однозначно исключили неопределенность?

В 1927 году Гейзенберг предложил принцип неопределенности, и, начиная с этого момента, Вселенная сил и рычагов стала «уменьшаться в размерах».

После частичного отсутствия в течение всего лишь нескольких веков и полного отсутствия в течение всего лишь нескольких лет древний призрак вернулся в машину.

Пожалуй, ирония заключается в том, что первое подозрение по поводу наличия «призрака в машине» материализовалось в святая святых науки – в физике, наиболее материалистической из всех дисциплин. И столь же забавно, что психологии, из всех наук наиболее «идеалистической», удалось намного дольше игнорировать этот призрак (экстрасенсорное восприятие и тому подобное) в своей собственной машине, упрямо сражаясь за реабилитацию лорда Кельвина.

И снова западная наука в какой-то степени стала жертвой собственных попыток быть честной. Бихевиористы оставались верны своим маякам. Человеческое поведение было демонстративно механистичным, и нажатие на химический рычажок в человеческом двигателе производило физический эффект, столь же каузальный и столь же неизбежный, как нажатие на железный рычаг в паровом двигателе.

В то время как физика со скрежетом втиснулась во внечувственный континуум, психология никак не могла понять, как она может, даже если захочет, последовать этому примеру. Хотя Юнг и обрисовал неясные контуры этой страны, ее территория продолжала считаться в каком-то смысле

сверхъестественной и ненаучной.

Подобно собаке Павлова, западная наука ощутила на себе воздействие невыносимо конфликтующих импульсов, и, будучи не в состоянии решить эту проблему с помощью результативного действия, совершенно прогнозируемым образом впала в невротическое состояние.

Может ли быть так, что дилемма Запада на всех уровнях была вызвана одной и той же повторяющейся ошибкой – искусственно суженным полем исследования? Это можно проиллюстрировать, по крайней мере, одним неожиданным аспектом.

Во всех исследованиях западной науки по умолчанию предполагалось, что данные для решения проблемы могут быть найдены только на Западе. Это допущение, ненаучное по своей сути, властвовало во все времена.

Как начинает проясняться сейчас, данные для выхода Запада из научного тупика во все времена *были доступны* на Востоке, но восточная культура и философия, как древняя, так и современная, упорно считалась либо неразвитой, либо отсталой, или же и той, и другой.

Знание Востока не было испробовано и востребовано. Предполагалось, что оно заведомо неполноценно и обращаться к нему незачем.

Нельзя сказать, что свидетельство о значительном объеме данных на Востоке было скрыто или труднодоступно. Исключительно значимые указатели на определенные области

исследования, *уже подтвержденные на Западе*, были разбросаны повсюду и предлагали себя вниманию исследователей. Известно, что в XIII веке, за 600 лет до Дарвина, Джалаледдин Руми описал теорию эволюции видов¹⁷. Многозначительные указания на весьма тонкие психологические процессы, такие как, например, механизм обучения, были очерчены в традициях Коптской церкви и суфиев братства Сухраварди¹⁸.

Здесь так и хочется отметить, что эту близорукость западной науки подтверждает так называемая теорема Чарльза Форта¹⁹ – самого неортодоксального философа Запада. Она гласит: если вы встречаете данные, лежащие вне пределов области, которую определили для себя как единственно содержащую их, то вы этих данных либо вообще не заметите, либо будете яростно опровергать их в терминах ваших заведомых предположений.

В 1927 году, когда Гейзенберг еще только запускал кота в голубятню, в Европе и Америке уже исподволь обсуждался выход Запада из научного тупика: явно случайное про-

¹⁷ «Изначально ты был глиной. Из минерала ты сделался растением. Из растения ты стал животным, а из животного – человеком. Во время этих периодов человек не знал, куда направляется, но тем не менее он был отправлен в длительное путешествие... Тебе предстоит еще пройти через тысячу различных миров» («*Маснави*», книга III, Рассказ XVII).

¹⁸ См. “Tincture Technique”, by Richard Drobutt in *New Research on Current Philosophical Systems*, Octagon Press, London, 1968.

¹⁹ Charles Hoy Fort (1874–1932).

исшествие восточного происхождения. Быть может, помощь неразвитым странам работает на разных уровнях?

Появившийся на свет материал не имел формы научной работы, его структура была незнакома. И он не обладал тем влиянием, которого Запад обычно ожидает от революционной идеи. Он принял форму очень древнего учения о природе человека, и немногие западные мыслители вообще заметили его. Но еще меньше было тех, кто увидел, что за необычной внешностью кроется метод примирения вопиюще неразрешимых противоречий западной науки.

Хотя материал этот, по-видимому, претендовал на универсальное применение, один его аспект имел чрезвычайно важное отношение к дилемме западной науки первой трети XX века. Это было предположение, что свободная воля и причинность не являются непримиримыми противоречиями; и для того и для другого найдется место в структуре, содержащей *разные качества времени*.

На деле причинность могла бы оказаться операционным полем для воли на другом уровне.

Запад, которому принадлежит заслуга в обнаружении того и другого, был совершенно не прав, предположив, что они не уживаются вместе.

Весьма примечательно, что идея эта некогда существовала на Западе, но, укоренившись в определенных недозволенных предположениях «оккультизма» и не получая явного подтверждения, была отброшена.

По контрасту с этим, многие следствия данного учения на протяжении тысячелетий имели чуть ли не инстинктивное хождение среди значительной части народов Востока.

Там оно принимает форму легенды о том, что дела людские, течения и вихри истории есть следствие сознательного воздействия высшего уровня понимания; этим процессом манипулирует иерархия разумов, и низший уровень этой иерархии осуществляет физический контакт с человечеством.

В простом варианте изложения та же идея недавно была представлена в книжном обзоре в популярной газете; автор явно обобщил материал, более или менее открытый доступу на Востоке.

Вот что он сообщал²⁰:

Многие века на Востоке имеет хождение странная легенда. В некоем скрытом центре – возможно, в горах Средней Азии – существует группа людей, обладающих исключительным могуществом. Этот центр – по крайней мере, в некоторых аспектах – действует как тайное мировое правительство.

Кое-какие детали этой легенды попали на Запад во времена крестовых походов; в 1614 году идея возродилась под видом розенкрейцеров; в XIX веке с видоизменениями о ней снова заявили мадам Блаватская и французский дипломат Жаколио; ее вновь предложил английский автор Тэлбот Мунди, и

²⁰ London Evening News, February 10, 1969. "Do these Supermen Exist?"

уже сравнительно недавно – в 1918 году – путешествовавший по Монголии Оссендовский.

В загадочной Шангри-Ла из этой легенды некие люди, эволюционировавшие далеко за пределы состояния обычного человека, осуществляют функции посредников сверхпланетарных сил.

Они проявляют свое влияние через низшие эшелоны – которые, не вызывая подозрений, вращаются в обычных сферах жизни как на Востоке, так и на Западе, – и действуют в критические моменты истории, обеспечивая результаты, необходимые для поддержания эволюции Земли в соответствии с событиями в Солнечной системе.

Весьма смахивая на небылицу, легенда эта веками вовлекала в свою орбиту мыслителей, оказавших закулисное влияние на события европейской истории. К примеру, когда в 1614 году в Европе появился загадочный документ под названием «**Фама**»²¹, лучшие умы эпохи на протяжении целого поколения искали ключи к разгадке его источника, пытаясь заручиться его поддержкой. Исторических указаний на то, что кому-либо это удалось, нет.

Мистификация? Возможно. Но в 1961 году в скромном журнале²² появляется статья, которая неискушенному читателю могла бы показаться простым отчетом о путе-

²¹ Автор имеет в виду розенкрейцерский документ «*Fama Fraternitatis, или Откровение Братства Высокопочтимого Ордена R.C.*» – Прим. пер.

²² Blackwoods Magazine, December, 1961, 290, pp. 481–595

шествии.

Что касается других, тех, кто знал или полагал, что знает, как происходят такие вещи, то в их среде она произвела такой же эффект, какой имела «**Фама**» среди их предшественников 350 лет назад; однако попытки «найти источник» на этот раз не были столь удручающе провальными. Начиная с 1961 года, регулярно стали появляться дальнейшие намеки, связанные, как нам представляется, с той же традицией.

Далее автор статьи перечисляет ряд недавних публикаций²³, кратко рассматривает их и делает вывод:

Похоже, что традиция, частью которой все это является, связана с такими разнообразными феноменами, как возрождение культуры после нашествия Чингисхана, арабская поэзия, трубадуры, джокер наших игральных карт, франк-масонство, тамплиеры, Ренессанс, сарацинская культура Испании и католический орден францисканцев.

Также отмечалось, что некоторые из самых последних идей фрейдистской и юнгианской психологии были в общих чертах намечены носителями этой же традиции не позднее XI века, когда научных терминов для выражения подобных идей на Западе еще не существовало.

Принимая во внимание недвусмысленные заявления, ко-

²³ *The Sufis* by Idries Shah (W.H.Allen), *The Teachers of Gurdjieff* (Gollancz), *Systems* (Octagon Press) и некоторые произведения Роберта Грейвса. *Reflections* (Zenith Books), *Special Problems in the Study of Sufi Ideas* (Octagon Press), *Wisdom of the Idiots* (Octagon Press), *New Research on Current Philosophical*

которые подразумеваются в некоторых литературных трудах, опубликованных в настоящее время на Западе, диву даешься, что ортодоксальная наука еще не проявила к этому материалу того интереса, которого он заслуживает.

Учитывая процитированный отрывок, наш совокупный материал можно предварительно свести к трем поразительно четким предположениям:

1. В первой четверти XX века западная наука достигла не просто критической стадии, но тупика, и одновременно с этим исподволь появился материал с Востока, способный разрешить ситуацию.

2. Это «вмешательство» исходит из источника более высокого, нежели обычный интеллект, и качественно отличного от него.

3. Подобное «вмешательство», в критические моменты человеческой истории и в форме, соответствующей такому моменту, имеет место во всех культурах и во все эпохи.

Невзирая на то, что в контексте западного мышления эти идеи представляются абсурдными, мы последовательно рассмотрим их.

Есть основания полагать, что между 1920-м и 1949 годами во Франции, Англии и Америке происходило то самое вмешательство, существование которого предполагается во втором из приведенных отрывков. Далее мы будем ссылаться на источник этого влияния просто как на Традицию.

Частью замысла, стоящего за операцией 1920—49 годов,

была – возможно, впервые – публичная демонстрация *механизма работы самой Традиции*. Допустимо предположить, что человеческий разум в первый раз достиг способности воспринимать соответствующие эволюционные идеи и получил право на доступ к этой информации.

Среди тех, кто в этот период находился в контакте с Традицией и посвятил свою жизнь работе, связанной с реализацией ее целей, были лондонский журналист Родни Коллин и Дж. Г. Беннетт, философ и математик.

Родни Коллин написал две знаменательные книги²⁴, в которых попытался показать, что и история, и биология действуют во времени, отличном от того времени, что ощущается в событиях, обычно регистрируемых чувствами. Эти книги были значимы во многих отношениях, но главным, пожалуй, стало предположение, что вопросы, с которыми ныне столкнулась западная наука, не могут быть решены с помощью обычного «линейного» мышления.

С этим уже вынуждены были согласиться математики в 1920-х годах, но у них не было ключа к радикальному решению, о существовании которого догадался Родни Коллин. Он также предпринял попытку анализа западной истории, в котором решающую роль играло вмешательство «школ» Традиции. В этом обзоре значительная часть западной истории приобрела поразительное и яркое новое измерение. Со-

²⁴ *The Theory of Eternal Life*, Stourton Press, Cape Town, 1950, and *The Theory of Celestial Influence*, Vincent Stuart, London, 1954.

бытия (и их последовательность в истории), даже для самых тонких ее знатоков выглядевшие случайными и бессмысленными, были показаны целенаправленными – с точки зрения Воли, действующей в ином временном измерении. По сути, механистичность событий и автоматизм их участников были тем строительным материалом, из которого Разумы, на один уровень превосходящие человеческий, конструировали преднамеренную структуру событий.

За частичной свободой от причинности, которой пользовались эти Разумы, лежит более грандиозная цель: насыщение и воспитание жизни на Земле с тем, чтобы она могла гармонично соответствовать эволюции Солнечной системы.

Коллин попытался придать своему обзору последовательное логическое развитие – предположив, к примеру, следствия, которые могли бы быть выведены из понятия о пределе бесконечной геометрической прогрессии, – но в основном воздействие его работ было эмоциональным, и ему не хватило «большого пересечения» с ортодоксальной сферой, необходимого для привлечения внимания обычной науки.

Призыва к науке в терминах, которые уверенно можно было бы назвать ее собственными, пришлось ждать еще двенадцать лет, до выхода работы Дж. Г. Беннетта.

Беннетт вышел на контакт с Традицией вскоре после прекращения боевых действий в 1918 году и поддерживал эту связь вплоть до января 1949 года.

Беннетт полагал, что деятельность Традиции на этом эта-

не содержала определяющие возможности для человечества; что наука поистине находится на перекрестке дорог и, если она повернет не в ту сторону либо продолжит следовать прежним курсом, то неизбежно выродится в многостороннюю, но бесплодную технологию. Вероятно, он увидел этот возможный исход со всеми вытекающими последствиями задолго до того, как аналогичные предупреждения стали поступать от художников, поэтов и интуитивных философов, таких как Оруэлл. Беннетт работал над своей книгой *«Драматическая Вселенная»* 40 лет, последний том был опубликован в 1966 году²⁵.

Жизнь человека начинается с оплодотворенной клетки, и самый ранний ее период проходит в клеточном времени, чуть ли не в 1000 раз более быстром, чем часовое время. Размножение клеток и развитие раскрывающихся вследствие этого функций происходит с устрашающей скоростью, так что во внутриутробном плоде за несколько дней проходит целая фаза эволюции.

Вначале сжатие максимально. Постепенно, по мере того как организм достигает протяженности во времени, то есть в последовательных интервалах часового времени, количество внутренних процессов сокращается и событий происходит все меньше и меньше. Однако человек делает выбор в пользу восприятия времени посредством часов и календаря, и ему кажется, что время начинает бежать все быстрее и быстрее.

²⁵ *The Dramatic Universe*, Vol. IV, Hodder & Stoughton, London, 1966.

Жизнь человека ускоряется от начала к концу. Пока он еще совсем кроха, период в 24 часа кажется ему целым веком; по мере того как он взрослеет, целая неделя, месяц пролетают, как мгновения.

Этот и ряд других показателей позволяют сделать вывод, что, представляя биологические процессы такими, каковы они есть, а не такими, как мы их ощущаем – по отношению к часам и календарям, – мы должны разложить человеческую жизнь не по арифметической, а по логарифмической шкале.

Внутриутробная жизнь человека длится 10 лунных месяцев; период его детства – 100, а вся его жизнь в среднем проходит за 1000 лунных месяцев.

Если на круге через равные интервалы отметить эти точки, 10:100:1000, то можно получить некое представление о полной жизни, вместе с веками, которые показывают скорость уже произошедших внутренних событий или тех, которые еще должны произойти. На этой схеме могут быть построены различные «космологии», но не это нас сейчас интересует.

Впрочем, эта схема – отправная точка для получения «органической» картины истории, к чему мы вскоре вернемся.

Если предположение, что история подчиняется тем же законам, что и клеточная жизнь, принять за исходное, то возникает ряд интересных аналогий.

Как клетки выполняют различные функции в теле человека, так и люди выполняют различные функции в теле куль-

туры.

Строители, инженеры и архитекторы поддерживают и восстанавливают структуру культуры, подобно тому, как соответствующие клетки поддерживают и ремонтируют человеческое тело.

Для защиты культуры существуют солдаты и полицейские, так же как для защиты человеческого организма предусмотрены резервы в надпочечниках. Ученые и мыслители направляют культуру, подобно тому как клетки мозга направляют тело. Поэты, артисты и мистики формируют эмоциональную жизнь культуры – нервные клетки руководят эмоциональной жизнью человека.

Аналогии можно развивать в различных направлениях. К примеру, основой человеческой жизни может быть удовлетворение от еды и питья или возбуждение от движения и путешествий. Человеком может управлять страсть к исследованиям или какое-то глубокое эмоциональное побуждение. Сходным образом культура может управляться одной такой функциональной группой. На ум приходят имевшие место в истории государства крестьян, государства воинов, государства монахов.

Человек, сбалансированный в своих функциях, но ведомый развитым интеллектом, – это продвинутый человек. Подобным образом и культура, сбалансированная в своих функциях, но ведомая развитой интеллигенцией, является продвинутой культурой.

Аналогия между телом человека и телом культуры была подмечена патологом Вирховом более века тому назад. С тех пор на нее обращали внимание многие ученые, но в целом тема считалась слишком фантастичной, чтобы серьезно ее исследовать. Пожалуй, есть основания предположить, что не столь уж она и фантастична.

Сперматозоид дает начало новому индивидууму. Предположим, что сознательный человек дает начало новой культуре. Предположим, что в обществе всегда скрыто присутствует несколько таких человек, которые могут усваивать сознательную энергию и таким образом пребывают в контакте со структурой этой энергии, находящейся за пределами уровня человеческой жизни. По терминологии Беннетта, это соответствовало бы демиургическому уровню. Такие сознательные люди были бы для человеческой культуры тем же, чем являются сперматозоиды для клеткообразующего материала в человеческом организме.

Исходя из этого предположения, сознательный человек оплодотворяет новую культуру подобно тому, как сперматозоид дает рождение новому человеку. Не из всех сперматозоидов рождаются люди, и не все сознательные люди творят новые культуры. Те, кто не творят, тем не менее оживляют культуру подобно тому, как обильная сексуальная энергия придает человеку особый тонус и жизненную динамику.

Здесь мелькает один из аспектов сексуальной – даже кровосмесительной – аналогии, которая пропитывает и мифо-

логию, и эпическую поэзию и на поверхностном уровне всегда кажется непостижимой.

Если культура имеет подобную структуру, любой из ее аспектов можно представить в виде его клеточного эквивалента. Ее временная шкала, к примеру, будет некоторым расширением логарифмической шкалы, которая, похоже, применима и к человеческой жизни.

Родни Коллин предполагает, что логарифмические временные параметры человеческой жизни – 10:100:1000 – должны быть экстраполированы в последовательность 100:1000:10000 (лунных месяцев), что примерно составляет 8, 80 и 800 лет.

Если продолжить эту аналогию, то восемь лет будут периодом внутриутробного развития культуры, восемьдесят – периодом ее физического самовыражения, а 800 лет – полным периодом ее жизни. По прошествии 800 лет она умирает.

Некоторые люди умирают до 70 или 80 лет. Некоторые живут больше ста, но для человека средними значениями будут интервалы, задаваемые последовательностью 10:100:1000 лунных месяцев, а для культур средними значениями будут периоды 8, 80 и 800 лет.

Пока культура в течение восьми лет находится во чреве, оплодотворивший ее Сознательный Человек собирает вокруг себя материальное тело, внутренний круг последователей. Вырабатывается Учение. Оно – личность грядущей культуры и может быть выражено в художественной форме

или в виде нового научного принципа. Возможно, создается книга или свод принципов. Появляется некий символ, который будет характерной чертой культуры до момента ее смерти. Характер культуры, как и характер человека, формируется во чреве, и вся последующая жизнь будет выражением только этого характера, никакого другого.

Восемьдесят лет – период физического выражения культуры во внешнем мире. Пример этого – бурная экспансия изобретений и творений, которая столь видима – и столь же необъяснима – в начале каждого культурного периода.

Возможно, Рассеивание первоначальной расы людей, которое Беннетт относил к периоду появления четырех Корневых языков, является первым указанием на то, как работает этот механизм. Однако этот пример может быть исключением, поскольку вмещает не одну, а четыре одновременные операции. С другой стороны, быть может, не такое уж это и исключение, если мы обратим внимание на то, что VI век до нашей эры – век Пифагора и век рождения Европы – был также веком Будды в Индии и Конфуция в Китае.

Небезынтересно, что циклическая природа культуры, последовательность рождения, самовыражения, упадка и смерти, была частично прослежена при помощи обычных интеллектуальных средств такими учеными, как Тойнби и Джон Непер, хотя вполне допустимо, что «изобретатель» логарифмов находился в контакте с работой Традиции его времени.

Аналогия между клетками и культурами может быть про-

должна. Сын, чтобы появиться на свет, не ожидает смерти своего отца. Схожим образом поколения культур накладываются одно на другое. Новая культура начинается задолго до того, как умирают ее родители – и возможно, когда ее родственники на другом континенте уже ходят в подростках.

Мы также можем предположить семейные черты в теле цивилизации, которая состоит из всех культур, взятых в совокупности. Какими бы непохожими на нас ни казались люди Рима, между ними и нами есть некое сходство. Мы и они – из одной семьи. У нас нет такого чувства родства с культурами, скажем, Африки или Китая, хотя хронологически они куда ближе к нам, чем Древняя Греция или Древний Рим.

Аналогия «клетка/культура» способна даже произвести метод, с помощью которого можно вновь открыть прошлое, оставившее после себя слишком слабые следы, чтобы предположить в нем некую структуру. Допустим, культуры занимают свое место в «протяженном теле» человечества в той же последовательности, что и проявляющиеся в человеке функции желез внутренней секреции. Допустим также, что эти функции лежат на логарифмической шкале.

Тогда они будут располагаться в такой последовательности: поджелудочная железа, щитовидная железа, околощитовидная железа, надпочечники, задняя доля гипофиза и передняя доля гипофиза.

Можно ли различить следы подобной последовательности в сменявших друг друга культурах? Если заглянуть в сущ-

ность ушедших культурных эпох, то она, как полагает Родни Коллин, не противоречит данной схеме. Следы человека Ориньякского периода (начавшегося около 40000 лет тому назад) – тяжелые, лимфатические и лунные. Человек Мадленского периода (20000–11000 гг. до н. э.) быстр, решителен и по-меркуриански находится под влиянием гормонов щитовидной железы. Огромные памятники Египта, Шумера и древней Индии предполагают уравновешенную, основательную «околощитовидную», или венерианскую, натуру. Греко-римский и персидский периоды – это эпохи железа, страсти, надпочечников и Марса.

Культуры ранней Европы, Средневековья и Ренессанса, вплоть до недавних дней, соответствуют функции задней доли гипофиза.

Если нанести их на логарифмическую временную шкалу, то окажется, что шесть функций, имевших доселе развитие в «протяженном теле» человечества, займут временные отрезки, равные 32000; 16000; 8000; 4000; 2000 и 1000 лет соответственно.

В русле сделанных предположений, культура порождается сознательным человеком. Это может произойти на знакомой, так сказать, почве, или в абсолютно новой ситуации, подобно тому как человек находит семью в далекой стране, потому что почувствовал, что на его родине истощилась почва или ухудшилась атмосфера.

Интуиция привела Родни Коллина к идентификации

Египта в качестве источника, породившего Европу. Возможно, личность Индивидуума не будет установлена никогда, но определенные ключевые полупоупендарные фигуры, такие как Солон, Фалес Милетский и Пифагор, предполагают наличие «школы», внутри которой и было подготовлено «рождение».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.